Трудности перевода: Заметки о развитии прикладной городской антропологии в России

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ АЛЕКСЕЕВСКИЙ[1]

✉ ALEKSEEVSKY@STRELKA-KB.COM
ORCID: 0000-0001-9933-4374

[1] Центр городской антропологии КБ Стрелка, Россия, Москва

Коммерческая прикладная антропология в России сейчас находится в стадии становления, однако ее развитие происходит очень быстро. Еще несколько лет назад даже возможность существования коммерческой антропологии в России многими ставилась под сомнение, хотя и в 2012 году, и даже раньше антропологические исследования по заказу бизнеса уже проводились в России, а вскоре прикладная антропология уже начала институциализироваться. Автор эссе использует личный опыт пятилетней работы корпоративным городским антропологом в российской компании КБ Стрелка, которая занимается урбанистическим консалтингом, и обсуждает особенности сложных взаимоотношений антропологов с коммерческими и государственными заказчиками, а также трудности взаимопонимания с архитекторами. Так, в публикации рассказывается о проведенных в 2012 году исследованиях: дистанционном сотрудничестве с французской фирмой, которая заказала исследование современных застолий для создания правильной маркетинговой стратегии продвижения выпускаемой ими мультиварки, и о совместном с коллегами изучении городского пространства города Тихвин Ленинградской области для «Стрелки», в тот момент разрабатывавшей проект благоустройства общественных пространств. Эссе открывает серию рассказов об отдельных кейсах прикладных исследований, которые планируется публиковать в следующих номерах журнала.

Ключевые слова: прикладная антропология, коммерческая антропология, общественные пространства, городские исследования, городской консалтинг

Для цитирования статьи:
Алексеевский, М. Д. (2018). Трудности перевода: Заметки о развитии прикладной городской антропологии в России. *Фольклор и антропология города*, *I*(1), 204–213.

Lost in translation: concerning the development of applied urban anthropology in Russia

MIKHAIL D. ALEKSEEVSKY[1]

✉ ALEKSEEVSKY@STRELKA-KB.COM
ORCID: 0000-0001-9933-4374

[1] Centre for Urban Anthropology, Strelka KB, Russia, Moscow

Applied urban anthropology in Russia is still in its youth, but is developing rapidly. A few years ago the very idea of commercial anthropology was doubted by many, although even before 2012 anthropological research ordered by business customers had been conducted in Russia and applied anthropology began to become institutionalized soon. The author draws on his personal experience of a 5 years' career of a corporative urban anthropologist in Strelka KB, a Russian urban consulting company, and dwells upon the peculiarities of uneasy relationships between

anthropologists and commercial and state customers, as well as upon communication difficulties between anthropologists and architects. E.g., the papers unfolds upon research conducted in 2012: a long-distance contract with a French company concerning a research upon banquets that was required to draft an adequate promotion strategy for a new slow-cooker, and a joint research upon urban space of Tikhvin town (Leningrad region) for Strelka that had been working upon an urban land improvement project. This essay is the first in a planned series of applied research case reports that are going to be published in the following issues of the journal.

Keywords: applied anthropology, commercial anthropology, public spaces, urban studies, urban consulting

To cite this article:
Alekseevsky, M. (2018). Lost in translation: concerning the development of applied urban anthropology in Russia. *Urban Folklore & Anthropology*, *I*(1), 204–213. (In Russian).

Это эссе является попыткой отрефлексировать личный опыт, связанный с переходом из академической науки в прикладную. Если в российской социологии прикладные исследования десятилетиями развиваются как полноценная индустрия, где есть место и международным корпорациям, и отечественным гигантам, и маленьким региональным опросным компаниям, то с антропологией все обстоит иначе. Еще несколько лет назад даже возможность существования коммерческой антропологии в России многими ставилась под сомнение. Так, в 2012 году Наталья Богатырь в обзорной статье, открывающей тематическую подборку работ по прикладной антропологии организаций в журнале «Этнографическое обозрение», крайне скептично высказывалась о перспективах развития этого направления в российской науке: «Отечественные антропологи не проявляют к бизнесу ни прикладного, ни академического интереса. Справедливо и обратное: российские организации не нуждаются в фигуре антрополога» [Богатырь 2012: 7].

На самом деле и в 2012 году, и даже раньше антропологические исследования по заказу бизнеса уже проводились в России. А вскоре прикладная антропология уже начала институциализироваться. Тут я могу сослаться на личный опыт: в сентябре 2013 года я устроился работать в качестве штатного антрополога в консалтинговую компанию КБ Стрелка, а уже к концу года руководство приняло решение создать отдельное структурное подразделение, которое получило название «Центр городской антропологии». За пять лет, которые прошли с этого момента, сотрудники Центра провели несколько десятков прикладных антропологических исследований, причем не только в России, но и за рубежом (Грузия, Узбекистан, Израиль, Гонконг). Накопленный за эти годы опыт показывает, что прикладные антропологические исследования, проводимые российскими учеными, могут быть востребованы и коммерческим сектором, и государственными структурами.

Более подробно об отдельных кейсах наших исследований я надеюсь рассказать в следующих номерах журнала, а пока хотелось бы немного поговорить о том, как вообще развивается коммерческая городская антропология в России, и с какими проблемами сталкивается исследователь, когда переходит от академических научных исследований к прикладным. Следует оговориться, что речь будет идти почти исключительно о моем личном опыте и не о всех направлениях прикладной антропологии, а преимущественно о городских исследованиях. За этими рамками есть и другие отечественные работы в русле прикладной антропологии, порой имеющие богатую историю. Так, в Институте этнологии и антропологии РАН с начала 1990-х годов проводятся научные исследования по

«прикладной и неотложной этнологии», главным образом ориентированные на решение межнациональных конфликтов и корректировку национальной и этнорегиональной политики [Лопуленко 2012], но это, как говорится, уже совсем другая история.

Вообще разговор о прикладной ценности гуманитарных исследований всегда был довольно болезненным для большинства из тех, кто этим занимался. Неслучайно раздел автореферата «Практическая ценность исследования» обычно является особо нелюбимым у диссертантов-гуманитариев, которые из поколения в поколение передают заветную формулу «Материалы диссертационной работы могут быть положены в основу лекционных курсов и учебных пособий по заявленной теме», чтобы закрыть этот неприятный вопрос раз и навсегда. Еще больше раздражает, когда дальние родственники или случайные знакомые, узнав, чем ты занимаешься, начинают с удивлением спрашивать: «А какая польза от этой твоей антропологии (филологии, фольклористики, философии и т. д.)?». Когда я учился в университете на филолога, то через некоторое время научился отвечать на этот неудобный вопрос, объясняя, что филологическое образование дает мне возможность потом стать учителем литературы. И хотя в реальности работать в школе я не планировал, ответ про учителя литературы моих собеседников всегда удовлетворял. Работу в школе они считали пусть неблагодарным, но исключительно полезным для общества занятием.

И все же еще с аспирантских лет у меня было ощущение, что и мои исследовательские проекты, не имеющие никакого отношения к образованию, тоже имеют мощный прикладной потенциал, могут быть крайне полезными, особенно в том, что касается исследования городов. Однако я не видел примеров того, как это могло бы работать на практике. И поэтому продолжал работать строго в границах академической науки, не предпринимая попыток конвертировать свои знания и открытия в какие-то прикладные истории.

Первым моим прямым столкновением с миром прикладной антропологии стало дистанционное сотрудничество в 2012 году с французским антропологом Оливье Вателе, который за несколько лет до этого защитив диссертацию, начал развивать карьеру как дизайн-антрополог. Сейчас он является основателем и руководителем небольшой антропологической консалтинговой компании «Users Matter», а в то время он работал штатным антропологом, отвечающим за инновации, во французской корпорации «Groupe SEB», которая специализируется на производстве кухонной техники и владеет такими известными брендами, как Tefal, Moulinex, Rowenta и др. Познакомили нас этнолингвисты Галина Кабакова и Ольга Белова, через них Оливье пытался найти в России антрополога, который занимается современными застольями. Дело в том, что компания «Groupe SEB» разрабатывала инновационную мультиварку, которую хотела выводить на рынки в разных странах. При этом для доработки продукта и создания правильной маркетинговой стратегии продвижения этой мультиварки компании было важно предварительно изучить, какие в разных культурах существуют повседневные практики и традиции, связанные с приготовлением пищи и коллективными трапезами.

Рабочая гипотеза для России заключалась в том, что здесь инновационная мультиварка окажется особо уместной для использования на даче, особенно во время праздничных застолий. Однако и французские маркетологи, и сам Оливье Вателе довольно плохо представляли, как устроены дачные застолья в современной России, поэтому искали местного специалиста, готового провести исследование на эту тему. Так как моя кандидатская диссертация

была посвящена обрядовым застольям (правда, поминальным), я показался довольно неплохим кандидатом, поэтому был приглашен для участия в проекте.

Исследование состояло из двух частей. Сначала я брал серию глубинных интервью у информантов из Москвы и Петрозаводска про их дачи, а также про традиции и практики дачных застолий. В некоторых случаях беседы на данные темы органично дополнялись опытом включенного наблюдения этого вида трапез. Выборка информантов (и их дач) была довольно пестрой: здесь были и студенты, регулярно выезжающие на полузаброшенную дачу покойной бабушки «чисто пожарить шашлычки», и бодрые пенсионеры, проводящие на даче все лето и выращивающие там рекордные урожаи кабачков, и утомленные офисной работой представители среднего класса, которые принципиально на даче не делали огороды, зато хотели видеть там сауну, беседку и гамак «для релаксации». Самое любимое мое интервью было посвящено ведомственным дачам ветеранов спецслужб, где, в частности, описывалось, как местные обитатели устраивают на День Победы не только праздничные застолья, но и самодеятельный парад, маршируя по садовому товариществу в тренировочных штанах, зато с медалями на груди. Где-то через месяц после этих интервью каждый информант получил по почте в подарок ту самую инновационную мультиварку, которую он должен был несколько раз опробовать в дачных условиях, а потом дать дополнительное небольшое интервью, посвященное своим впечатлениям от этого устройства.

Все интервью потом отсылались в Париж, где переводились на французский язык. Мне сложно сказать, как потом их использовали сотрудники «Groupe SEB» и в какой степени результаты этого исследования повлияли на разработку и маркетинг мультиварки. Но лично для меня это был незабываемый опыт. С одной стороны, это исследование открыло для меня все многообразие дачной культуры современной России, невероятно яркий и безумный мир, который явно заслуживал самого пристального внимания антропологов. Некоторые из своих впечатлений я несколько лет спустя описал в интервью глянцевому журналу «Esquire» [Шевелева 2016]. С другой стороны, глядя на тот же самый материал с позиции прикладного антрополога, я понимал, что выводы этого исследования могут быть крайне полезными не только для производителей инновационных мультиварок, но и для бесчисленного количества бизнесов, чьей целевой аудиторией являются дачники (от производителей мангалов до строителей деревянных беседок).

После проекта про дачные застолья я совершенно иначе стал смотреть на те проекты по антропологии города, которыми я раньше занимался, регулярно задумываясь о том, как можно было бы практически использовать выводы того или иного исследования. Скажем, в какой-то момент я плотно занимался исследованием постсоветских праздников и вдруг осознал, что мог бы неплохо заниматься консалтингом по внедрению новых праздничных традиций. Например, с помощью специального исследования мог бы объяснить, почему «импортированный» День святого Валентина в России бурно развивается, а придуманный в пику ему День Петра и Февронии, также известный как День семьи, любви и верности, остается вымученным фантомом, не вызывающим особого воодушевления даже у работников культуры, которых заставляют по этому поводу проводить «праздничные мероприятия». Или показать, по какой причине неизменно оказываются неудачными упорные попытки властей «раскрутить» День народного единства.

В том же 2012 году, благодаря приглашению моего коллеги и друга Михаила Лурье, который тогда был деканом факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, я впервые начал сотрудничать с урбанистами из Института архитектуры, медиа и дизайна «Стрелка». Когда команда «Стрелки» разрабатывала проект благоустройства общественных пространств в городе Тихвине Ленинградской области, то она столкнулась с некоторыми сложностями в коммуникации с местными жителями и в поисках информации о городе обнаружила в интернете упоминания о том, что более 10 лет назад, в 1999–2000 годы, в Тихвине работала фольклорно-антропологическая экспедиция Академической гимназии СПбГУ [Кулешов 2001: 2004]. Представители команды нашли электронный адрес Михаила Лурье, который был одним из руководителей «тихвинских экспедиций», и предложили ему организовать небольшое блиц-исследование города, направленное на получение практических рекомендаций по дальнейшему развитию проекта.

Первое исследование по заказу Института архитектуры мы сделали едва ли не за полторы недели. Полевую фазу наша команда тогда провела за майские праздники, приехав в Тихвин в короткую экспедицию. Мы в тот момент не очень хорошо понимали, как именно нам придать нашей научной работе прикладной характер, поэтому во многом действовали по наитию, много экспериментируя. Однако, когда после экспедиции пришло время писать отчет, неожиданно оказалось, что многое из того, что мы за эти дни смогли понять про Тихвин и особенности его восприятия жителями, является очень важной информацией для проектировщиков. Например, на начальной стадии работы они планировали создать благоустроенную набережную на берегу Вязитского ручья, однако столкнулись с необъяснимо резким негативом тихвинской интеллигенции к этому проекту. Наши исследования помогли разобраться в причинах такой реакции. В глубинных интервью об общественных пространствах города и отношению к политике городского развития горожане-активисты очень эмоционально рассказывали о том, что недавно при строительстве нового моста через Вязитский ручей по улице Машиностроителей бетоном были залиты гнезда ондатр, в результате чего многие животные погибли, оказавшись замурованными заживо. Именно в контексте этой истории горожане начали негативно воспринимать проект благоустройства берега ручья, опасаясь, что строительство набережной может повредить оставшимся ондатрам и уткам.

Весной 2013 года «Стрелка» пригласила нашу команду провести большое антропологическое исследование про территорию исторического московского района Зарядье. Власти приняли решение создать на этом месте новый городской парк, а «Стрелка» должна была организовать международный конкурс на разработку концепции парка и подготовить к нему детальное техническое задание. Проблема заключалась в том, что, с одной стороны, территория будущего парка на тот момент являлась огромным пустырем, окруженным высоким забором, за которым виднелись руины снесенной гостиницы «Россия». С другой стороны, новые парки в Москве не проектировались с 1958 года. Поэтому мало кто представлял, каким должен быть парк «Зарядье», как он может быть устроен, кто и зачем будет его посещать. Антропологическое исследование должно было помочь найти ответы хотя бы на некоторые из этих вопросов, а его выводы и рекомендации должны были использоваться при составлении технического задания для участников конкурса.

Для городских антропологов исследование территории, где практически нет людей, если не считать неразговорчивых охранников, стало серьезным профессиональным вызовом. Однако за несколько месяцев исследование все же удалось провести; его героями стали не только туристы и москвичи, гуляющие по

Варварке мимо будущего парка, но и московские старожилы, которые в детстве жили в Зарядье до того, как их дома были снесены под строительство гостиницы «Россия», московские краеведы и градозащитники, прихожане и священники храмов Патриаршего подворья в Зарядье, сотрудники расположенных рядом музеев и другие эксперты. Общий объем отчета по исследованию превышал 100 страниц, многие его выводы и рекомендации так и не удалось интегрировать в техническое задание, однако общая польза этой работы была для организаторов конкурса очевидна.

Например, во многом именно благодаря работе антропологов парк «Зарядье» получил свое нынешнее название. Первоначально власти хотели, чтобы он назывался парк «Россия», в память об одноименной гостинице, ранее стоявшей на этом месте. Чтобы убедить чиновников изменить свое решение и не давать парку столь «официозное» название, Михаил Лурье при поддержке исследовательской команды написал отдельную аналитическую записку, посвященную вопросу о названии парка. Записка была подготовлена по результатам специальных историко-культурных изысканий, контент-анализа медийных источников, лингвистического моделирования использования различных топонимов в разговорной речи и даже специально проведенного экспериментального полевого исследования, в рамках которого волонтеры недалеко от места будущего парка фиксировали реакцию прохожих, задав перед этим им провокационный вопрос: «Не подскажете, как пройти в Зарядье?». Завершалась записка настоятельной рекомендацией отказаться от названия «парк “Россия”», а использовать исторический топоним Зарядье. Аргументы аналитической записки оказались достаточно убедительными, так что в итоге название будущего парка действительно было изменено.

После успешного завершения исследования по Зарядью я получил предложение стать штатным антропологом в новом консалтинговом бюро КБ Стрелка, которое начало свою деятельность в сентябре 2013 года как небольшой урбанистический стартап. К тому моменту я уже 8 лет занимался академической наукой в Государственном республиканском центре русского фольклора, однако именно тогда переживал крайне сложный период своей карьеры — недавно назначенный новый директор Александр Ефимов поставил задачу расформировать научный отдел современного фольклора, который я возглавлял, и уволить всех его сотрудников. Когда меня наконец уволили, я начал новую жизнь, профессионально занявшись прикладной антропологией в КБ Стрелка.

Первые исследовательские проекты в компании оказались достаточно удачными. Их результаты нравились не только моим коллегам-проектировщикам, но и заказчикам. Однако довольно быстро стала заметна первая серьезная проблема — в то время даже среди образованных людей мало кто знал и понимал, что такое городская антропология, какие методы она использует и какие проблемы может решать. Многие архитекторы и урбанисты, с которыми я работал, воспринимали антропологию как что-то среднее между шаманизмом и чистым волшебством. Им казалось, что загадочная антропология, которая непонятно как устроена, может найти ответ буквально на любой вопрос. Существовала даже поговорка «В любой непонятной ситуации зови антрополога». При этом не всегда наши выводы и рекомендации получалось адекватно перевести на язык архитектурного проектирования. Иногда, получив наш отчет, проектировщики не понимали, что с ним делать дальше.

Другие коллеги упорно путали антропологию с количественной социологией, полагая, что и в том, и в другом случаях речь идет об опросах населения. От меня

они ждали «мнения горожан в процентах» и очень огорчались, узнав, что глубинные интервью не дадут им никакой статистической информации, которую потом можно было бы визуализировать в презентации или в отчете. Впрочем, вскоре оказалось, что определенной заменой цифр социологических опросов могут стать смачные цитаты из полевых интервью, которые заметно украшают презентации и очень нравятся заказчикам. С тех пор подбор ярких цитат стал одним из обязательных компонентов для каждого нашего исследования.

Если коллеги-урбанисты не понимали, как антропологи делают какие-то выводы, не имея цифр, то заказчики обычно впадали в ступор от одного только слова «антропология». У них оно устойчиво ассоциировалось исключительно с измерением черепов неандертальцев, то есть с физической антропологией. Поэтому регулярно возникали вопросы, зачем вообще антропологов привлекают для участия в урбанистических проектах. Чтобы снять подобные вопросы, мне приходилось практически на каждом публичном мероприятии, где я присутствовал, выступать с небольшим ликбезом о том, что такое городская антропология, как она работает, для чего может использоваться. Заказчики обычно слушали мои рассказы с большим интересом, некоторые потом говорили о том, что антропология им кажется «модной фишкой», сильно украшающей проект. Однако чувствовалось, что все-таки они так до конца и не понимают, как это работает.

Самая смешная история «про черепа» у меня случилась не с заказчиками, а с потенциальной сотрудницей. Когда я выступал с докладами на каких-то публичных мероприятиях, ко мне потом регулярно подходили слушатели, которые начинали расспрашивать подробнее о моей работе, а потом осторожно интересовались, нет ли у нас в Центре городской антропологии свободных вакансий. Однажды одна из слушательниц попросила у меня визитку и потом позвонила с вопросом, есть ли у нее шанс пойти к нам работать. Рассказывая по телефону о нашей деятельности, я пожаловался ей на то, что некоторые думают, что специалисты по городской антропологии занимаются измерением черепов горожан. Девушка не поняла моей иронии и начала сбивчиво объяснять, что хотя она никогда в своей карьере измерением черепов горожан не занималась, она так хочет у нас работать, что готова освоить и это занятие.

Довольно быстро стало понятно, что прикладная городская антропология в целом у многих вызывает повышенный интерес, кажется чем-то новым, свежим и модным, однако почти никто не знает, как она устроена. Стало понятно, что прикладную антропологию надо системно «раскручивать», проводя большую разъяснительную и просветительскую работу. Одним из решений, направленных на популяризацию этого направления, стало создание в структуре КБ Стрелка отдельного структурного подразделения — Центра городской антропологии, руководителем которого я стал. Впрочем, первое время я был одновременно и руководителем, и единственным сотрудником Центра, то есть фактически руководил сам собой. Других штатных единиц в этой структуре первоначально не было. Небольшие исследования я проводил самостоятельно, при реализации более масштабных проектов привлекал коллег-антропологов в качестве внештатных собирателей, а отчеты все равно писал сам.

Хотя первоначально у меня были надежды на то, что я смогу довольно быстро «раскрутить» прикладные антропологические исследования как отдельный продукт компании, скоро стало понятно, что рынок к этому еще не готов. Во-первых, КБ Стрелка стремительно завоевала репутацию компании, которая занимается урбанистическим консалтингом, а не чистыми исследованиями. Ей обычно заказывали разработку стратегий и концепций, где прикладная

антропология оказывалась «зашита» внутри в качестве одного из видов предпроектных исследований. С другой стороны, и для бизнеса, и для государственных структур работа антропологов все-таки казалась «котом в мешке», от которого непонятно чего ждать. Количественные социологические опросы были в этом отношении более привычным и понятным продуктом.

Опыт профессионального погружения в мир прикладной антропологии довольно быстро развеял многие мифы, которые были у меня в голове. Так, например, изначально мне казалось, что работа в коммерческом секторе обеспечит мне щедрое финансирование всех исследований, которые я запланирую в рамках проекта. В реальности все оказалось совсем иначе. Суровые законы рынка заставляют тебя постоянно думать о том, как снизить расходы. Если ты слишком много денег потратишь на проведение исследования, то общие расходы могут оказаться выше, чем та сумма, которую ты получаешь от заказчика, и это означает, что вместо прибыли ты получаешь убытки. И наоборот — чем сильнее тебе удается снизить расходы, тем больше будет прибыль компании. Следует добавить, что крайне актуален тут и принцип «Время — деньги». Чем дольше ты делаешь проект, тем более тяжелым грузом твоя зарплата ложится на его бюджет. Поэтому в прикладной коммерческой антропологии чем быстрее и дешевле ты сумеешь провести исследование, тем лучше для всех.

Тут важно не перейти грань, когда чрезмерное сокращение и удешевление исследования критически влияет на качество. Хорошая новость в том, что у тебя почти всегда есть бюджет на расшифровщиков, здесь тоже главную ценность представляет выигранное время: выгоднее заплатить профессионалам, чтобы они всего за несколько дней расшифровали все материалы экспедиции, чем сидеть и неделями обрабатывать собранные интервью самому. Но в целом в прикладной антропологии ты привыкаешь за несколько недель делать проект, который в академической науке ты делал бы не менее полугода.

Сжатые сроки и бюджеты вынуждают тебя постоянно развиваться, думать над тем, как работать более эффективно. Из этого стремления выросло одно из самых успешных и новаторских исследовательских направлений Центра городской антропологии — изучение «цифровых следов» пользователей методами digital-антропологии. Работая в консалтинговой компании, мы регулярно сталкивались с ситуацией, когда результаты исследования нужны «уже вчера», а денег и времени на экспедицию в город, где реализуется проект, в бюджете нет. Я много думал над тем, можно ли разработать метод дистанционного антропологического изучения города, который при этом не был бы профанацией. Однако решить эту задачу смогла лишь моя коллега и давний единомышленник Дарья Радченко (когда-то мы с ней в соавторстве пытались написать монографию про интернет-фольклор), которая формально пришла работать в Центр городской антропологии на должность моего заместителя, а фактически открыла отдельное исследовательское направление, основанное на антропологическом анализе пользовательских текстов и/или фотографий, связанных с теми или иными местами в изучаемом городе [Радченко 2016]. Дополнительным бонусом для нас стал тот факт, что методы digital-антропологии, которые использует Дарья, дают возможность количественного анализа собранного массива данных, так что наконец-то мы можем порадовать коллег и заказчиков красивыми графиками и процентами, которых им так не хватало в полевых антропологических исследованиях.

За пять лет существования Центр городской антропологии изрядно вырос и набрался опыта. Сейчас здесь работает уже 6 штатных сотрудников. Во время публичных выступлений мне все реже приходится объяснять, что городская

антропология не имеет отношения к измерению черепов. Социальная антропология за прошедшие годы стала значительно более известной и популярной в обществе. Теперь у нас есть заказчики, которые уже знают, на что мы способны, и сознательно заказывают именно антропологические исследования. Очень приятно, что за это время у нас появились и свои конкуренты, коллеги-антропологи, которые проводят прикладные исследования по заказу архитектурных бюро, девелоперских компаний и даже государственных структур. Фактически происходит формирование рынка прикладной антропологии, пусть пока и несопоставимого с рынком социологических опросов.

Постепенно выстраиваются и успешные взаимоотношения с коллегами-проектировщиками, хотя некоторые трудности перевода с антропологического на архитектурный язык еще остаются. Так, например, опытным путем удалось выяснить, что архитекторы с их развитым визуальным мышлением довольно плохо воспринимают многостраничные текстовые отчеты антропологов. Иногда им бывает сложно даже прочитать эти тексты до конца. Сначала мы сильно расстраивались по этому поводу, потому что в такой ситуации сложно ожидать, что результаты твоего исследования будут максимально эффективно использованы в проекте. А потом просто начали менять форму представления результатов исследования: устраивали устные презентации с возможностью обсуждения и вопросов, активнее использовали инфографику и фотографии, начали верстать отчеты в виде ярких книг с картинками, рассматриваем возможность представлять ключевые выводы исследования в формате видеороликов.

Как ни странно, сложнее всего у нас пока выстраиваются отношения с коллегами из академической науки. Понятно, что ни о какой открытой враждебности речи не идет. Напротив, многие антропологи из университетов и академических институтов с энтузиазмом относятся к нашим предложениям принять участие в каких-то прикладных исследованиях. Однако часто такого рода деятельность воспринимается как подработка, «халтурка». Всерьез вникать, как устроены прикладные антропологические исследования, готовы лишь немногие. Зато среди коллег из академической среды находится немало тех, кто априори считает коммерческую антропологию «ненастоящей наукой». Складывается парадоксальная ситуация: у людей со стороны работы прикладных антропологов вызывают большой интерес и живой энтузиазм, в то время как коллеги по цеху смотрят на их деятельность свысока.

В принципе, с подобным отношением прикладные антропологи сталкиваются не только в России. В большинстве западных стран антропологу престижнее (и, как ни парадоксально для нас, обычно прибыльнее) работать в университете, нежели в коммерческой компании. Прикладные антропологи из-за постоянных перегрузок не успевают ездить на конференции, писать и публиковать научные статьи. Более того, очень часто по условиям контракта все права на результаты исследования принадлежат заказчику, так что ученый не имеет права ничего публиковать без его официального разрешения. А даже если у кого-то и получается издать статью по материалам своего прикладного исследования, то коллеги из академической науки скорее всего будут критиковать ее за недостаточную теоретическую глубину.

Снисходительное отношение представителей академической науки по отношению к прикладникам можно понять, но едва ли стоит поощрять. В конце концов, еще классик антропологии Бронислав Малиновский подчеркивал в своих работах, что любое исследование, даже посвященное академической теории, одновременно всегда имеет и прикладной характер: «К сожалению, в некоторых кругах до сих пор держится устойчивое, хотя и ошибочное мнение, что между антропологией

практической и антропологией теоретической, или академической, существует фундаментальное различие. Правда заключается в том, что наука начинается с ее практического применения» [Малиновский 2004: 22–23]. И в этом отношении исследователям, которые сейчас не задумываются о прикладных аспектах своей научной работы, имеет смысл поближе познакомиться с деятельностью тех, кто ставит на первое место практическое применение своих исследований.

Несмотря на положительную динамику, в России прикладные антропологические исследования до сих пор находятся в стадии становления, а опубликованные на русском языке работы этого направления крайне малочисленны. В будущих номерах журнала мы постараемся восполнить этот пробел как за счет публикации на русском языке классических западных работ по прикладной антропологии, так и представляя статьи, подготовленные по результатам исследований Центра городской антропологии. Хочется надеяться, что эти публикации будут интересны не только энтузиастам прикладной антропологии в России, но и, как говорится, широкому кругу заинтересованных читателей.

Литература

Богатырь, Н. (2012). Антропология организаций и сетевых сообществ: история и современность. *Этнографическое обозрение, 2012*(3), 3–12.

Кулешов, Е. В. (2001). Собирательская работа в Тихвине: аксиология городского пространства. *Живая старина, 2001*(1), 13–15.

Кулешов, Е. В. (2004). «А Тихвин тогда маленький был…». В А. Ф. Белоусов, В. В. Абашев, Т. В. Цивьян (Сост.). *Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты*, 161–178. Москва, 2004.

Лопуленко Н. А. (2012). *Исследования по прикладной и неотложной этнологии, 1990–2011: аналитический обзор*. Москва, 2012.

Малиновский Б. (2004). *Избранное: Динамика культуры*. Москва, 2004.

Радченко Д. А. (2016). Мегаполис в объективе: фотографии в социальных сетях как источник данных о пользовании территорией. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 2016*(5), 25–36.

Шевелева А. (2016). Дача — национальная русская мечта. *Esquire, 2016*(124), 26–29.

References

Bogatyr', N. (2012). Antropologiia organizatsii i setevykh soobshchestv: istoriia i sovremennost' [Anthropology of organizations and network communities: history and modernity]. In *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review], *2012*(3), 3–12. (In Russian).

Kuleshov, E. V. (2001). Sobiratel'skaia rabota v Tikhvine: aksiologiia gorodskogo prostranstva [Fieldwork in Tikhvin: axiology of urban space]. In *Zhivaiia starina* [Antiquity alive], *2001*(1), 13–15. (In Russian).

Kuleshov, E. V. (2004). "A Tikhvin togda malen'kii byl…" ["And Tikhvin used to be small then..."] In A. F. Belousov, V. V. Abashev, T. V. Tsivyan (Compl.). *Geopanorama russkoi kul'tury: Provintsiia i ee lokal'nye teksty* [Geopanorama of Russian Culture: the Province and Its Local Texts], 161–178. Moscow: Iazyki slavianskoĭ kul'tury. (In Russian).

Lopulenko, N. A. (2012). *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi ėtnologii, 1990–2011: analiticheskii obzor* [Studies in applied and urgent ethnology, 1990–2011: An analytical review], Moscow. (In Russian).

Malinowski, B. (2004). *Izbrannoe: Dinamika kul'tury* [Selected works. Dynamics of culture], Moscow. (In Russian).

Radchenko, D. A. (2016). Megapolis v ob'ektive: fotografii v sotsial'nykh setiakh kak istochnik dannykh o pol'zovanii territoriei [Megapolis in focus: Photos on social networks as data source on usage of urban territory]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovanii* [Labyrinth. Journal for social studies in the humanities], *2016*(5), 25–36. (In Russian).

Sheveleva, A. (2016). Dacha — natsional'naia russkaia mechta [Dacha as the Russian dream]. *Esquire,* 2016(124), 26–29. (In Russian).